

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-286-294>

Научная статья / Research article

Детство в воспоминаниях российских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX в.

О.И. Секенова

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук,
119334, Москва, Ленинский проспект, 32а,
jkzkray@mail.ru

Аннотация: Поднимается проблема репрезентации профессионального выбора через описание впечатлений детства в эго-документах русских женщин-историков второй половины XIX – начала XX в. Важной мотивацией для фиксации воспоминаний в мемуарах для женщин-историков было осознание своей миссии по созданию нового исторического источника: стремясь запечатлеть свою память об ушедшем времени детства, они старались следовать тем же принципам, что и при создании исторических сочинений. Необходимо отметить субъективизм этих текстов: каждый из них представлял собой отражение личного опыта исследовательницы, уникального и редко пересекающегося с опытом современниц и младших коллег. Во многом тексты воспоминаний были вдохновлены прочитанными авторами мемуарами, в серьезной мере самоцензурированы (даже в отсутствие явного идеологического давления со стороны общества). В результате в мемуарных текстах нарратив о детстве превращался в нарратив о предпосылках самоидентификации женщин как ученых. Воспоминания становились формой саморепрезентации, от которой зависел избирательный характер повествования о детстве (присутствовала субъективная проекция успеха в профессии на детские воспоминания). Нарративы о детстве женщин-историков отличались от аналогичных текстов их коллег-мужчин: женщины охотнее описывали детские впечатления через материальные артефакты и повседневные ритуалы, подробнее останавливались на эмоциональных переживаниях. Среди типичных сюжетов о детских годах в текстах женщин-историков видится важным описание их эмоций от переживания первого гендерного конфликта – осознания того, что желание стать исследователем прямо противоречит гендерным установкам, усвоенным в раннем детстве.

Ключевые слова: женская повседневность, история детства, женщины-историки

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00191 «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (18–21 век)».

Для цитирования: Секенова О.И. Детство в воспоминаниях российских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 286–294. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-286-294>

Childhood in the memoirs of Russian female historians of the second half of the 19th and first half of the 20th centuries

Olga I. Skenova

The Institute of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences,
119334, Moscow, Leninsky Avenue, 32a,
jkzkray@mail.ru

Abstract: The present paper studies ego-documents of Russian female historians written in the second half of the 19th and the early 20th centuries, with a focus on the works of N.I. Gagen-Thorn, E.V. Gutnova, M.M. Levis, V.N. Kharuzina, S.V. Zhitomirskaya, E.N. Shchepkina, and N.D. Flittner.

© Секенова О.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

How do these authors, in their childhood descriptions, discuss their professional choices? By producing ego-documents, the female historians wanted to preserve their memory of childhood events in the form of a new historical source. In so doing they followed the principles that they also adhered to when writing historical essays. At the same time their texts are very subjective: each reflects the respective researcher's personal experiences. Each text is unique, and there are few overlaps with the memoirs of other female historians of their time, or with those of younger colleagues. In many ways, the women were influenced by authors of the Russian memoirist tradition; they often adhered to self-censorship (even when there was no clear ideological pressure from society). As a result, the narrative about childhood turned into a narrative about the prerequisites for the self-identification of women as scientists. Memories became a form of self-representation, and this conditioned the selective nature of childhood narratives; later success in the profession was projected back onto childhood memories. The childhood narratives of Russian female historians differ from texts of their male colleagues: women preferred to describe their impressions with references to material artifacts and to everyday rituals, writing carefully about their emotional experiences. One of the most important subjects in these women's memoirs and diaries was when they for the first time experienced the gender conflict in their lives: when they understood that their scholarly ambition runs against the common attitudes about gender attitudes that they had internalized in early childhood.

Keywords: women's everyday life, history of childhood, women-historians

Acknowledgements and Funding: The reported study was funded by RFBR, project No 19-09-00191 "Women's social memory as a consolidating potential of a multigenerational family, strengthening of statehood and the Russian nation (18–21 centuries)".

For citation: Sekenova, Olga I. "Childhood in the memoirs of Russian female historians of the second half of the 19th and first half of the 20th centuries." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 2 (May 2021): 286–294. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-286-294>

Введение

Вторая половина XIX – начало XX в. стали эпохой вхождения женщин в историческое академическое сообщество Российской империи. Первые российские женщины-историки оставили не только богатое научное, но и обширное автодокументальное наследие. В дневниках и мемуарах они стремились осознать те причины, которые побудили их избрать судьбу, нетипичную для ровесниц из их окружения, и понять мотивы своего желания строить научную карьеру. В данной статье предполагается остановиться на конкретной проблеме: проговаривание впечатлений детства в нарративах первых российских женщин-историков как способ конструирования своей профессиональной идентичности. Антропологическая картина детства представительниц различных социальных групп второй половины XIX – начала XX в. предстает перед нами во всех подробностях благодаря многочисленным исследованиям¹, многие историки отдельно останавливались на проблеме «проговаривания» детских впечатлений в мемуарных текстах². Тем не менее никто прежде не изучал тексты о детстве, принадлежащие перу русских женщин-историков³. Автодокументальные женские тексты XIX – начала XX в. сами по себе неоднократно становились предметом исследования: от источника, призванного «иллюстрировать» исторические и социальные процессы, с изменением исследователь-

¹ Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. М., 1995; Веретенко В.А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб., 2015; Мартианова И.Ю. Повседневная жизнь детей российских дворян по мемуарам современников XVIII – начала XX в. Краснодар, 2010; Курнант Н.Б. Воспоминание детства в русской дворянской мемуарной культуре конца XIX – начала XX века. СПб., 2004; Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010.

² Зарецкий Ю.П., Безрогов В.Г., Кошелева О.Е. Детство в европейских автобиографиях: от Античности до Нового времени. Антология. СПб., 2019; Сальникова А.А. «Детский» текст и детская память в «эпоху катастроф» // Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 413–430; Пушкарева Н.Л. «Пишите себя!» (Гендерные особенности письма и чтения) // Сотворение истории. Человек. Память. Текст. Казань, 2001. С. 241–274.

³ Пушкарева Н.Л. «Пишите себя!»... С. 247.

ской оптики, эго-документы превратились в самоценный исторический источник, важный, в первую очередь, своей уникальностью в контексте изучения саморепрезентации женщин прошлого⁴. Нестандартные профессиональные интересы, стремление переломить гендерные стереотипы и несоответствие общественным ожиданиям – безусловно, все эти характеристики женщин, впервые пожелавших войти в академическое сообщество, проявились в их воспоминаниях о детстве. Задача этой статьи – на примере встречающихся в воспоминаниях женщин-историков нарративах о детстве проанализировать варианты их саморепрезентации через первые детские воспоминания и через осознание первого гендерного конфликта между нестандартным выбором профессии и семейными ожиданиями. Два этих сюжета, весьма часто встречающиеся в мемуарах, интерпретировались женщинами-историками как ключевые для выбора будущей профессии, поэтому интересны и важны для изучения судеб первых российских женщин-ученых.

Корпус эго-документов (в первую очередь, воспоминаний и дневников) русских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX в. весьма обширен. Память о событиях детства подробно запечатлена в опубликованных текстах мемуаров археолога П.С. Уваровой, историка культуры Е.В. Балобановой, медиевиста Е.В. Гутновой, археографа С.В. Житомирской, индолога К.А. Антоновой, этнографа Н.И. Гаген-Торн, источниковеда И.Ф. Петровской, музейщика и библиографа М.М. Левис, этнографа В.Н. Харузиной, дневниках академика М.В. Нечкиной. До сих пор не опубликованы, но представляют несомненный исследовательский интерес для истории детства дневники медиевиста И.И. Любименко, археографа Е.Н. Ошаниной, мемуары первой в России преподавательницы истории в высшем учебном заведении Е.Н. Щепкиной, воспоминания египтолога Н.Д. Флиттнер⁵. Большая часть мемуаров, по заверению самих авторов, была написана по уничтоженным дневникам, которые эти женщины вели с детских лет. Из текстов, написанных детьми, сохранились только дневники – М.В. Нечкиной, И.И. Любименко и Е.Н. Ошаниной (Туликовой) – все они начинали вести дневник в возрасте 12–13 лет. Их отличает фрагментарный, эпизодический характер повествования (наиболее аккуратно в подростковом возрасте вела дневник М.В. Нечкина), а также отсутствие эффекта мемуаров, в которых многообразие жизни подчиняется единой повествовательной логике⁶ – и, как следствие, отсутствие попыток отразить детские годы как первый этап становления в профессии.

⁴ Гончарова О.М. Русская женщина 1860-х в «зеркале» идей и литературы // Культура и текст. 2012. № 1. С. 44–53; Георгиева Н.Г. Мемуары как феномен культуры и исторический источник // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. №1. С. 126–138; Савкина И.Л. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М., 2007; Fitzpatrick Sh. Lives and Times. In the Shadow of Revolution: Lifestories of Russian Women from 1917 to the Second World War. Princeton, 2000. P. 3–4.

⁵ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005; Востриков А.В. Е.В. Балобанова. Записка слушательницы Санкт-Петербургских Высших женских курсов I выпуска (1882 г.) // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2015. № 4. С. 227–248; Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001; Житомирская С.В. Просто жизнь... М., 2006; «В России надо жить долго...»: памяти К. А. Антоновой (1910–2007). М., 2010; Гаген-Торн Н.И. Memoria. М., 1994; Петровская И.Ф. В конце пути. СПб., 1999; Левис М.М. «Мы жили в эпоху необычайную...»: воспоминания. М.; Екатеринбург, 2016; Центральный государственный архив города Москвы (далее – ЦГА Москвы). Ф. Л-125. Оп. 1. Д. 20, 21; Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 569. Оп. 2. Д. 3; Харузина В.Н. Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет. М., 1999; «...И мучилась и работала невероятно»: дневники М.В. Нечкиной. М., 2013; Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 885. Оп. 1. Д. 214; Отдел рукописей и документального фонда Государственного Эрмитажа (далее – АГЭ). Ф. 63. Оп. 1. Д. 2.

⁶ Савкина И.Л. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М., 2007. С. 37.

Упомянутые выше женщины-историки принадлежали к трем различным поколениям ученых: во-первых, к тем, кто впервые вошел в мужскую корпоративную академическую среду – как правило, самоучкам, занимавшимся историческими исследованиями в качестве одной из разновидностей «литературного» труда, во-вторых, к выпускницам Высших женских курсов, занимавшимся историческими исследованиями в дореволюционный период и, в-третьих, к тем, чье профессиональное становление пришлось на эпоху «красной профессуры» – период с 1917 по 1941 г. Значительно менялся историко-культурный контекст, в котором создавались мемуарные тексты представительниц разных поколений. Если первые из воспоминаний, написанные женщинами-историками в начале XX вв., были почти сразу же опубликованы, то автодокументальные тексты, созданные после Русской революции 1917 г., писались «в стол» – и либо были опубликованы уже в 1990–2000-е гг., либо до сих пор остаются в архивах. Далеко не все российские женщины-историки конца XIX – первой половины XX в. оставили эго-документальные свидетельства – тем ценнее каждый из найденных нарративов, представляющий собой текстовую репрезентацию жизненного опыта этих необычных женщин. Необходимо отметить субъективизм этих текстов: каждый из них представлял собой отражение личного опыта исследовательницы, уникального и редко пересекающегося с опытом современниц и младших коллег. Во многом тексты воспоминаний были вдохновлены прочитанными авторами мемуарами, в серьезной мере самоцензурированы (даже в отсутствие явного идеологического давления со стороны общества). В результате в мемуарных текстах нарратив о детстве превращался в нарратив о предпосылках самоидентификации женщин как ученых. Воспоминания становились формой саморепрезентации, от которой зависел избирательный характер повествования о детстве (присутствовала субъективная проекция успеха в профессии на детские воспоминания).

Будучи профессиональными историками и этнографами, мемуаристки осознавали свою миссию по созданию нового исторического источника⁷, и к задаче этой относились ответственно, не допуская намеренных искажений, мистификаций или создания ложного художественного образа своей судьбы (как, например, в опубликованном дневнике художницы М.К. Башкирцевой)⁸. Детским годам уделялось гораздо больше внимания в женских текстах, чем в мужских нарративах: в отличие от мужчин-историков, с удовольствием рассказывавших о годах учения, профессиональных трудностях и своем мнении по политическим вопросам, но избегавших чересчур пристального внимания к впечатлениям детства⁹, женщины-историки в большей мере старались описать быт, старинный уклад жизни через мельчайшие подробности. Еще не подозревая о существовании антропологического метода «плотного» или «насыщенного» описания¹⁰, русские женщины-историки в мемуарах сами стремились встать на место «изучаемого объекта», быть не только кропотливыми исследователями, но и создателями исторического источника, подробного и полезного для будущих исследователей. Желание написать мемуары женщины-историки объясняли так: «оставить черты старого быта, из которого вырос»¹¹,

⁷ Aurell J. Theoretical perspectives on historians' autobiographies: from documentation to intervention. New York, 2016. P. 213–215.

⁸ Башкирцева М.К. Дневник Марии Башкирцевой. М., 2001.

⁹ Павловская С.В. Дневники и воспоминания отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX – начала XX вв. Нижний Новгород, 2006. С. 274–282; Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. М., 1996; Милуков П.Н. Воспоминания. М., 1990; Соловьев, С.М. Мои записки для детей моих, а если можно и для других. Пг., 1915.

¹⁰ Geertz C. Thick descriptions toward an interpretive theory of culture // The interpretation of culture. New York, 1973. P. 3–30.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л. 1.

«терпеливо и тщательно собрать, правдиво, хотя бы и субъективно правдиво отразить все, что вспоминаю я о своем детстве и юности, о том, что меня окружало, что меня растило, чего уже нет, что безвозвратно умерло»¹², «...не столько хочется воссоздать мою прошедшую жизнь саму по себе, сколько тот неповторимый мир с его бурями и штормами, ненавистью и любовью, героизмом и подлостью»¹³. Общую мысль женщин-историков выразила историк и этнограф В.Н. Харузина: «Интересна не я, но эпоха»¹⁴. В целом подобная позиция соответствует женской автодокументальной традиции в русском обществе конца XIX – первой половины XX в.: женские тексты стремились представать перед читателем не в виде исповеди, а, скорее, в форме «свидетельского показания» о прошедших событиях¹⁵. Зачастую работа над воспоминаниями о детстве превращалась в форму психологического эскапизма – попытку забыть о тяжелой реальности и сосредоточиться на счастливом прошлом (например, свои воспоминания Н.Д. Флиттнер писала в подвале Эрмитажа зимой 1941 года¹⁶).

Первые воспоминания в материальном измерении

Разбирая отдельные сюжеты нарративов о детстве русских женщин-историков, можно выделить несколько тем детских и юношеских впечатлений, которые казались мемуаристкам наиболее важными. Так, проблема детской памяти и первого воспоминания увлекала многих женщин-историков. Как правило, первые воспоминания были отрывочными, связанными с визуальными образами или эмоциональными переживаниями, запечатленными в памяти между двумя и тремя годами, редко раньше. Примерами «плотного» описания мира детства могут служить нарративы этнолога В.Н. Харузиной и египтолога Н.Д. Флиттнер: они максимально подробно перечисляли визуальные, тактильные, слуховые образы своих детских воспоминаний. Н.Д. Флиттнер в качестве особенно важного впечатления для своего будущего профессионального становления вспоминала, как она «впервые осознала, что такое время, и как со временем меняется человек, и момент этот запомнился именно как новое <...> переживание осознания»¹⁷. Приехав с семьей спустя год на дачу, маленькая Наташа обнаружила там засушенный клевер, который сама же спрятала: «Я помню отчетливо и чувство восторга от находки, и такое же чувство восторга от нового открытия: я была маленькая, я теперь стала большая <...> Я открыла время»¹⁸).

Наиболее часто в числе первых впечатлений русских женщин-историков описывались тактильные и визуальные ощущения, связанные с нарядами. Вот одно из них: «...Кашемировое платьице, ярко-голубое и вдоль него спереди шла широкая-широкая шелковая полоса <...> Себя в платьице я совершенно не помню, а само платьице и его чудесный цвет помню отлично, как помню и свои бронзовые детские туфельки»¹⁹. Или: «Страдала я от всякого нового платья <...> довольно длинные рукава рубашки свертывали жгутом так, чтобы они не вылезали из-под короткого рукава буфой платья. При движении руки вверх этот жгутик резал руку – и об этом “мучительстве” не полагалось говорить»²⁰. И еще одно воспоминание: «Платье из легкой

¹² АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

¹³ Гутнова Е.В. Пережитое... С. 5–6.

¹⁴ Харузина В.Н. Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет... С. 18.

¹⁵ Fitzpatrick Sh. Lives and Times... P. 3–4.

¹⁶ АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 2. Л. 23.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 8.

²⁰ Харузина В.Н. Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет... С.140.

летней ткани сурового цвета с превосходно вышитыми гладью букетами фиалок на фоне зеленых листьев по подолу»²¹. Индолог Кока Антонова, по собственному признанию, не обращавшая внимание на то, во что ее одевают, любовно описывала сшитую матерью черкеску (тем более любимую, т.к. другие девочки в черкесках никогда не ходили, поскольку она была традиционным мужским нарядом): «Папаха была из настоящего светлого каракуля, сама черкеска из тонкого сукна, бешмет и верх черкески были обшиты галуном, крышечки газырей были с точеным узором, тонкий кожаный пояс заканчивался, как и полагается серебряным наконечником с кавказским чернением»²². Подобные подробности практически не встречаются в мемуарных текстах, написанных детьми (вероятно, им они кажутся не такими важными), но для женщин-историков это – очередные явления хрупкой, ушедшей навсегда реальности, элементы которой они стремились сохранить для истории. Описания повседневной одежды практически не встречаются в текстах (за исключением школьной формы как маркера принадлежности к новой значимой социальной группе), тогда, как праздничные наряды оставляли яркое впечатление и отчетливо запоминались. Мемуаристки старались в мельчайших подробностях вспомнить обстановку дома, в котором прошло детство, редкие поездки с родителями, прогулки, посещение и прием гостей, сюжеты игр и праздничные традиции. Многие впечатления детства интерпретировались гораздо позже (так, археограф С.В. Житомирская уже в зрелом возрасте с ужасом поняла, что чудесный кукольный домик, в который она с удовольствием играла в детстве, был реквизирован другом родителей – чекистом у неизвестной ей семьи)²³. В текстах мужчин-историков гораздо реже встречается подробное описание бытовых и материальных мелочей²⁴, зато большая часть их воспоминаний детства посвящена первым интеллектуальным впечатлениям (прочитанным книгам и увиденным спектаклям), т.е. теме, о которой многие женщины-историки также писали много и с удовольствием.

Первый гендерный конфликт в нарративах русских женщин-историков

Пристальное внимание к эмоциональному миру личности в детские годы отличает мемуары женщин-историков. Исследовательницы искренне и с юмором писали в эго-документах о детских влюбленностях, страхах и переживаниях, какими бы глупыми и смешными они не казались им в более взрослом возрасте. Иррациональные страхи, первое чувство стыда, обида на несправедливое наказание – все это ярко запоминалось и казалось необходимым для описания становления собственной личности.

Примечательно, что даже в самых сдержанных по тону эго-документах исследовательницы стремились отмечать события и впечатления, связанные с формированием собственной гендерной идентичности («в раннем детстве я была страшная кокетка»²⁵ или «женские свойства что-то рано просыпались в лошадице, бегунье, изрядной растрепке»²⁶). Вероятно, во многих случаях это было связано с осознаваемым ими гендерным конфликтом: выбрав во взрослом возрасте путь исследователя, ученой и отказавшись при этом от создания собственной семьи, женщины-историки пытались проанализировать, как повлияли на них детские впечатления. Например, В.Н. Харузина отчетливо помнила, как воспитывавшая ее немецкая

²¹ Левис М.М. «Мы жили в эпоху необычайную...» С. 37.

²² «В России надо жить долго...» С. 19.

²³ Житомирская С.В. Просто жизнь... С. 51–52.

²⁴ Jelinek E.C. *The Tradition of Women's Autobiography: From Antiquity to the Present*. Twayne Publishers, 1986. P. 13.

²⁵ АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л. 56.

гувернантка сочла своим долгом убедить девочку, что та некрасива, чем заложила в ней навсегда неуверенность в себе²⁷.

Подобные эмоциональные потрясения и детские травмы казались мемуаристкам особенно важным, потому что они могли объяснить им те причины, по которым они в итоге приняли решение самореализоваться в науке. В целом межличностные отношения занимали важное место в нарративах о детстве русских женщин-историков. Так, во многих эго-документах есть место идеализации личности отца, влияние которого на выбор жизненного пути, профессии, было доминирующим (в целом, это достаточно типичная ситуация для женщин, выбравших путь исследователя, в том числе и в постсоветской России)²⁸. Отцы занимались вопросами образования (за ними оставалось ключевое решение в поисках учебных заведений для детей, они же участвовали в подборе гувернанток), выбирали книги для детского чтения, обсуждали с дочерьми исторические события. На матерях русских женщин-историков лежало религиозное воспитание и решение всех бытовых вопросов. В результате традиционным сюжетом в нарративах русских женщин-историков дореволюционной эпохи становился конфликт с матерями и другими старшими родственницами женского пола, когда речь заходила о пренебрежении семьей в угоду научной карьере²⁹. Желая дочерям добра, они настаивали на выборе традиционной модели поведения – тогда как девушки, с детского возраста поощряемые отцами, стремились сделать выбор в пользу образования и научной карьеры³⁰. Показателен пример конфликта С.В. Житомирской с матерью из-за подаренной ей на день рождения шкатулки для рукоделия (дело в том, что С.В. Житомирская в детстве считала традиционные женские занятия абсолютно ненужными и неинтересными и обиделась на нежеланный подарок)³¹. Публичный отказ от традиционной женской судьбы встречаются в воспоминаниях египтолога Н.Д. Флиттнер. Она декламировала на уроке французского отрывок пьесы о преимуществах безбрачия и увлеченно рассказывала тетушкам о том, что никогда не выйдет замуж, зато станет пожилой ученой с камердинером и ручным попугаем³², что в целостной структуре нарратива выглядит поворотной точкой, после которой будущее девушки окончательно определилось.

Описание первых случаев гендерного конфликта между желаемыми и навязываемыми социальными ролями в женских нарративах относится, как правило, к раннему подростковому возрасту (от 9 до 12 лет). Сам анализ первого осознанного ребенком гендерного конфликта почти всегда предваряется рассказом о том, как девочка любила в раннем детстве наряжаться/смотреть на себя в зеркало/причесываться, как взрослая, и лишь потом сознательно отказалась от этого, приняв решение строить карьеру по мужским стандартам. Влияние мужского образа жизни как более полноценного и интересного прослеживалось даже в детских играх: будущие женщины-историки с удовольствием играли с гимназическими подругами «в солдаты»³³, в рыцарей (принимая роли рыцарей, глашатаев и боевых коней)³⁴, в «красно-

²⁷ Харузина В.Н. Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет... С. 151.

²⁸ Пушкарева Н.Л. *Libido academica* (гендерный аспект просопографии академической жизни) // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 172–173.

²⁹ Пушкарева Н.Л. Смешны ученые девицы? (Проблема стигматизации женщин-ученых и влияние социальных ожиданий на женские жизненные стратегии и стиль жизни) // Вопросы истории естествознания и техники. 2017. Т. 38. № 4. С. 756–770.

³⁰ АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 117–118; РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 69.

³¹ Житомирская С.В. Просто жизнь... С. 75.

³² АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 151 об.

³³ РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л. 64.

³⁴ Гаген-Торн Н.И. *Memoria*... С. 6.

кожих и бледнолицых»³⁵. Воспоминания о подобных темах для сюжетно-ролевых игр, с одной стороны, были призваны продемонстрировать явную склонность девочек к исторической профессии, в представлении мемуаристок, проявившуюся уже в раннем возрасте. С другой стороны, это отражало их представление, что мужские паттерны поведения в детстве для них были гораздо интереснее и привлекательнее, чем женские. В целом, для саморепрезентации женщин-историков в этом возрасте был характерен образ «сорванца», отсюда – посещение заброшенных зданий, драки с другими гимназистками. Выбор профессии историка, археолога или этнолога, овеянной романтическим ореолом, представлялся в мемуарах логичным итогом их юношеских игр и мечтаний.

Выводы

Таким образом, нарративы о детстве в воспоминаниях русских женщин-историков второй половины XIX – начала XX в. являются не только богатым историческим источником о деталях детской повседневности дореволюционной эпохи, но и важным элементом рефлексии первых исследовательниц о своей научной судьбе, в частности, о предпосылках, побудивших их стать историками. В целом, по сравнению с нарративами мужчин-историков, женщины с гораздо большим удовольствием писали о своих детских годах, насыщая их описание многочисленными деталями, столь важными для историка повседневности, подробнее описывали внутренние эмоциональные переживания. Среди типичных сюжетов о детских годах в текстах женщин-историков наиболее интересно описание их ощущений переживания первого гендерного конфликта – осознания в зрелом возрасте того, что желание стать исследователем прямо противоречит гендерным установкам, усвоенным в раннем детстве. Не подозревая об антропологическом повороте в исторической науке середины XX в., многие женщины-историки в своих эго-документах создали источник по истории повседневности второй половины XIX – начала XX в., полный мелких деталей и бытовых подробностей.

Поступила в редакцию / Received: 21.09.2020

References

- Aurell, J. *Theoretical perspectives on historians' autobiographies: from documentation to intervention*. New York: Routledge, 2016.
- Bashkirceva, M.K. *Dnevnik Marii Bashkircevoi*. Moscow: Iskusstvo Publ., 2001 (in Russian).
- Belova, A.V. *'Chetyre vozrasta zhenshhiny: povsednevnaia zhizn' russkoy provintsial'noy dvoryanki XVIII – serediny XIX v.* St. Peterburg: Aleteia Publ., 2010 (in Russian).
- Fitzpatrick, Sh. *Lives and Times. In the Shadow of Revolution: Lifestories of Russian Women from 1917 to the Second World War*. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Gagen-Torn, N.I. *Memoria*. Moscow: Vozvrashhenie Publ., 1994 (in Russian).
- Geertz, C. *The interpretation of culture*. New York: Bane Book, 1973.
- Georgieva, N.G. “Memoirs as a cultural phenomenon and a historical source.” *RUDN Journal of Russian History*, no. 1 (2012): 126–138 (in Russian).
- Goncharova, O.M. “Russian woman of the 1860s in the ‘mirror’ of ideas and literature.” *Kultura i tekst*, no. 1 (2012): 44–53 (in Russian).
- Gutnova, E.V. *Perezhitoe*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001 (in Russian).
- Kharuzina, V.N. *Proshloe: Vospominaniya detskikh i otrocheskikh let*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1999 (in Russian).
- Kizevetter, A.A. *Na rubezhe dvukh stoletiy: Vospominaniya 1881–1914*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1996 (in Russian).

³⁵ Житомирская С.В. Просто жизнь... С. 72.

- Kurnant, N.B. *Vospominanie detstva v russkoy dvoryanskoy memuarnoy kul'ture kontsa XIX – nachala XX veka*. St. Petersburg: [N.s.], 2004 (in Russian).
- Levis, M.M. *‘My zhili v epokhu neobychnuyu...’: vospominaniya*. Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi Publ., 2016 (in Russian).
- Martianova, I.Yu. *Povsednevnyaya zhizn' detei rossiyskikh dvoryan po memuarom sovremennikov XVIII – nachala XX v. Krasnodar*: [N.s.], 2010 (in Russian).
- Milyukov, P.N. *Vospominaniya (1859–1917)*. Moscow: Sovremennik Publ., 1990 (in Russian).
- Murav'eva, O.S. *Kak vospityvali russkogo dvoryanina*. Moscow: Linka-press Publ., 1995 (in Russian).
- Pavlovskaya, S.V. *Dnevnik i vospominaniya otechestvennykh istorikov kak istoricheskii istochnik izucheniya obshchestvenno-politicheskoy i nauchno-pedagogicheskoy zhizni Rossii konca XIX – nachala XX vv. Nizhny Novgorod*: [N.s.], 2006 (in Russian).
- Petrovskaya, I.F. *V kontse puti*. St. Petersburg: [N.s.], 1999 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. “‘Pishite sebya!’ (Gendernye osobennosti pis'ma i chteniya).” In *Sotvorenie istorii. Chelovek. Pamiat*, Tekst, 241–274. Kazan: [N.s.], 2001 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. “Are learned girls funny? (The problem of stigmatization of women scientists and the impact of social expectations on women's life strategies and lifestyle).” *Questions of the History of Natural Science and Technology* 38, no. 4 (2017): 756–770 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. “Libido of the academician (gender aspect of prosopography of academic life).” *Anthropological Forum* 14 (2011): 168–191 (in Russian).
- Sal'nikova, A.A. “‘Detskii’ tekst i detskaia pamiat' v ‘epokhu katastrof’.” In *Vek pamiati, pamiat' veka: opyt obrashcheniya s proshlym v XX stoletii*, 413–430. Cheliabinsk: [N.s.], 2004 (in Russian).
- Savkina, I.L. *Razgovory s zerkalom i Zazerkal'ym: Avtodokumental'nyye zhenskiye teksty v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2007 (in Russian).
- Solov'yev, S.M. *Moi zapiski dlya detey moikh, a yesli mozhen, i dlya drugikh*. Petrograd: Prometei Publ., 1915 (in Russian).
- Uvarova, P.S. *Byloe. Davno proshedshie schastlivyye dni*. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovoyh Publ., 2005 (in Russian).
- Veremenko, V.A. *Deti v dvorianskikh sem'ah Rossii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.)*. St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina Publ., 2015 (in Russian).
- Vostrikov, A.V. “E.V. Balabanov. Note of a student of the St. Petersburg Higher Women's Courses And graduation (1882).” In *Petersburg Historical Journal*, no. 4 (2015): 227–248 (in Russian).
- Zareckiy, Ju.P., Bezrogov, V.G., and Kosheleva, O.E. *Detstvo v evropeiskikh avtobiografiyah: ot Antichnosti do Novogo vremeni. Antologiya*. St. Petersburg: Aletya Publ., 2019 (in Russian).
- Zhitomirskaya, S.V. *Prosto zhizn'...* Moscow: ROSSPEN Publ., 2006 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Семенова Ольга Игоревна, аспирант Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Olga I. Sekenova, PhD student in the Center for Gender Studies, Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Mikloukho-Maklay RAS.